

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Секретарь райкома второй раз напоминал мне: — Ты что же?.. Ты бы поторопился с поездкой в тот аул. Не понимаю, чего тут тянуть!

В его голосе звучало беспокойство, и я не стал оправдываться. Он без того знал, что меня держат занятия, которые я веду в Боровском лесном техникуме. Знал — и все же настаивал.

Месяца четыре назад на самой окраине района шесть или семь аулов объединились и стали называться — колхоз. Слово было новое. И у нашего секретаря никак не укладывалось в голове, почему все там против — принять своих соседей из аула Жанбырши. Тем более что «тот аул», как мы называли его между собой, владел лучшими землями.

По рассказам выходило, что его обитатели тоже не проявляют особого нетерпения и пока не собираются увеличивать процент коллективизации в районе. Может быть, дошли до них разговоры о колхозе, где все люди должны носить одинаковую одежду, должны спать под общим одеялом, укладываться и вставать одновременно, по команде... Очевидно, если бы исключить из этого перечня слово «вставать», то именно такая жизнь больше всего и устраивала бы жанбыршинцев. Но что же все-таки удерживало их? Хоть бы жили богато, тогда бы все можно понять! Но инструктор, ездивший к ним, застал там многослойную нищету — и все равно ничего не добился. На его увещевания в ответ раздавалось: «Да свершится то, что предначертано аллахом».

Рассчитывать на аллаха секретарь райкома не мог, и поэтому мне пришлось прервать лекции.

От Борового до Жанбырши — путь не близкий. Я ре-

шил, что удобнее проделать его не верхом, а в телеге, на мягком сене. Но тут была одна загвоздка. Не так давно я не удержался и купил вороного мерина, четырехлетку: голова серпом, горбоносый. Под седлом шел легко и проворно, а со стороны взглянуть — было в нем то изящество, которое без всяких слов отличает хорошего коня от жалкой посредственности. Меня даже не остановило, что у него была короста. Я рассчитывал ее вылечить.

Настоящий степной конь — к седлу приучен, но стоило заложить его в упряжку, он мгновенно начинал пятиться назад и как-то ухитрялся в оглоблях кружиться на месте, словно больной вертячкой. В поездке я надеялся отучить его от дурной привычки. Одному сделать это было трудно, и я пригласил с собой двух ребят — студентов техникума.

Намучились мы порядком, но все же трое молодых парней оказались умнее и сильнее своенравного мерина. Солнце пошло на закат, когда появились угодыя аула Жанбырши, и я убедился: утверждение, что этот аул владеет лучшими землями, — не пустые слова.

Малонаезженная дорога вела по густым ковылям. После жаркого дня их влажное дыхание приятно охладило лицо. Вдали полукольцом синели рощи, оберегая от суховея все урочище. По пути попадались озера, и тогда ветер, дувший в спину, запутывался и утихал в сплошной стене камыша. Казалось, этот уголок нарочно был создан для того, чтобы лишний раз подчеркнуть неповторимость, красоту и приволье нашей степи.

Впереди я увидел сильно поредевшую березовую рощу. Издали казалось, что вплотную к деревьям подступили несметные полчища тли. Но стоило подъехать ближе, и взгляду предстало то, что там было на самом деле: приземистые землянки, оплывшие от дождей и потревоженные ветрами.

Зимовка аула Жанбырши встретила нас полной тишиной и безлюдьем, и мы отправились дальше. Вскоре открылся просторный лог. В буйной зелени чернели юрты, десятка полтора. По дороге стали попадаться редкие лошади, коровы паслись по две, по три, кучками разбрелись овцы и козы. Первое, что бросалось в глаза, — как же они отощали! Какие-то живые скелеты, обтянутые кожей... А ведь минувшая зима была милостива к скотоводам. Их табуны, стада и отары вышли на весенние пастбища в хорошем состоянии.

Мы въехали в небольшой аул, продолжая удивляться

и строить разные предположения, почему же здешний скот выглядит так, словно едва уцелел после жестокого джута.

Одни девчонки, прислонившись к войлочным стенам юрта, с полным безразличием наблюдали за нашим приближением. Та из них, что была постарше, лениво зевнула и босой ногой почесала щиколотку другой ноги. Не было тут ни одного мальчишки, который бы непременно попытался прицепиться сзади к телеге и которому пришлось бы пригрозить кнутом.

На пригорке посередине аула неподвижно сидели мужчины, человек восемь или десять. Неподалеку от них я и натянул вожжи, и мерин, порядком уставший от борьбы, которая велась с самого утра, покорно стал.

День был по-настоящему теплый, но все мужчины сидели, нахлобучив тымаки — зимние шапки, покрывавшие голову и плечи. Из тымаков ключьями торчала шерсть.

Мужчины давно заметили появление чьей-то чужой телеги, но по-прежнему хранили гордое, независимое молчание, только чуть повернули головы в нашу сторону.

Несмотря на все их высокомерие, надо было начинать знакомство. Я подошел и протянул руку первому с краю.

— Нет, нет, дорогой! — запротестовал он и еще глубже засунул руки в рукава оборванного халата. — Не со мной... Сперва полагается поздороваться с нашим аксакалом! — И он кивнул в сторону старика, который беззвучно шевелил впалым ртом, — казалось, слова застревают у него в бороде, наполовину седой, наполовину рыжей.

— Ассалаум агалейкум... — повернулся я к нему.

Старик, исполненный собственного достоинства, поднял голову мне навстречу:

— Уагалейкум ашшалаям!..

И снова замолк. Старика, как видно, не приходило в голову, что его надменная осанка не вяжется с беспомощным шепелявым «уагалейкум ашшалаям», с дырявыми юртами, с тощим скотом, который мы встретили, подъезжая к аулу.

Надо было здороваться дальше, и я повернулся влево, но моя протянутая рука повисла в воздухе.

— Нет, поздоровайтесь с тем, кто сидит справа от уважаемого Атеке...

Сообразив, что рыжебородый и есть Атеке, я подал руку бородатому человеку — бородатому, но безусому. Он звучным голосом, раскатистым, как у муллы, привыкшего нараспев выкрикивать молитвы, ответил мне:

— Уа-га-лей-кум, ас-са-лям!

Я хотел было продолжить в этом же направлении, и опять невпопад.

— Не туда, не туда,— поправил меня распорядитель.— Теперь — по старшинству — надлежит подать руку тому, кто слева сидит от Атеке...

Я пересекал круг, соблюдая строгую очередность в приветствиях, и, пока я это делал, прошло столько времени, что его вполне бы хватило целому аулу собраться в дальнюю перекочевку.

Наконец все руки были пожаты, и Атеке прошамкал:

— Кораш, ты потеснись... Для молодого гостя это место будет самое подходящее.

Кораш недовольно поморщился, но послушаться не смел и немного подвинулся — ровно настолько, чтобы я мог втиснуться рядом с ним.

О аллах всемогущий! Смешно и грустно было видеть этих надутых спесью людей, которые даже здесь, под вольным весенним небом, чванились и не позволяли ни себе, ни другим сесть свободно. О таком неукоснительном — к месту и не к месту — соблюдении древних обычаев я знал только по рассказам, а в жизни не встречал — ни раньше, ни позже.

— Пусть счастлив будет твой путь, юноша, твой и твоих достойных товарищей,— обратился ко мне аксакал.

— Да сбудутся ваши пожелания,— почтительно наклонил я голову, приложил руку к сердцу и робко начал:— Мы приехали в ваш аул, чтобы...

Но Атеке не дал мне договорить:

— Пока достаточно и того, что ты сказал: «Да сбудутся ваши пожелания». Об остальном ты расскажешь нам, когда наступит для этого время.

Мне оставалось только еще раз покорно наклонить голову и еще раз почтительно приложить руку к сердцу.

Атеке уселся поудобнее и начал расспросы, с которых обычно начинается в степи всякое знакомство.

— Скажи нам, а какого ты рода и племени?

— Я — керей.

— Из каких кереев?

— Из кзыл-жарских, Атеке.

— Все ли в порядке у вас? Не терпите ли бедствия или нужды в чем-либо?

— Когда мы выезжали, все было благополучно.

— Слава аллаху, всеблаговому и всемилостивому,— до-
бавил он за меня.— А выехали вы сегодня откуда?

— Из Борового.

— А-а, из Бурабая,— поправил он.— И где же конча-
ется ваш путь?

— Здесь, в вашем ауле, Атеке.

Старик неторопливо обвел взглядом всех собравшихся
мужчин, ни одного не пропустил. Он советовался с ними,
как поступить, и, видимо, прочел согласие в их ответных
взглядах.

— Есенгельды!— обратился он к тому, с кем я по
своему неразумению хотел поздороваться первым.— Отве-
ди приезжих юношей в большую юрту для почетных гостей.
Их место — там...

Его поддержал безусый бородач, тот, что сидел справа:

— Верно говорит наш Атеке... Если они ехали к нам,
то место их только в большой юрте.

Но и при его словах Есенгельды не поднялся с места.
Видно, полагалось, чтобы еще кто-то что-то сказал.

Я не ошибся.

— Наш Атеке прав. Отведи приезжих юношей в боль-
шую юрту... Им место там.

Распоряжение старика слово в слово повторил мрач-
ный густобородый мужчина, глаза у него расставлены бы-
ли так широко, что казалось, будто они смотрят с висков.
Он произнес это и снова застыл, как изваяние.

Но, по всей вероятности, его голос имел решающее зна-
чение, потому что Есенгельды тотчас поднялся и торже-
ственно изрек:

— Молодые друзья! Пойдемте, я провожу вас в боль-
шую юрту, туда, где мы принимаем почетных гостей.

Мы последовали за ним — все трое. Мои молодые
смешливые ребята еле удерживались, чтобы не расхохотаться
во весь голос. А мне приходилось еще труднее, чем
им. Улыбнись я — хотя бы чуть-чуть, хотя бы уголками
губ, — и они бы разошлись вовсю, и наше дело оказалось
бы безнадежно испорченным.

Чтобы этого не случилось, я завел серьезный разговор
с нашим провожатым.

— Есеке! Время еще раннее. Нам бы хотелось сегодня
поговорить о деле, которое привело нас к вам, в Жанбыр-
ши. Как вы думаете, когда мы сумеем это сделать?

— На все установлен свой порядок,— отозвался он.—
У нас в Жанбырши Атеке сам позаботится о ваших делах.

Он спросит: «А с чем вы пришли к нам?» Тогда и расскажете.

Оставалось одно: подчиниться этим незыблемым правилам и следовать за Есенгельды. Вид у него был важный, словно он являлся посланником какого-нибудь султана! Есенгельды, как, впрочем, и остальных его сородичей, ничуть не смущало, что он мало подходит для этой роли. Из его старой шапки — на забаву ветру — ключьями торчит верблюжья шерсть, а черная юрта, к которой он нас вел, обтянута ветхой-ветхой кошмой.

Он намеревался широко распахнуть перед нами дверь. Но дверь висела на одной ветхой петле и подалась с тягучим скрипом, подрыв при этом землю у входа.

— Добро пожаловать! — сказал Есенгельды и уставился на меня немигающими глазами.

Смесь былого величия и крайнего оскудения — вот что я увидел внутри. Начать с того, что вся юрта светилась. У самого последнего пастуха мне не приходилось встречать такой кружевной кошмы. Руки его жены давно бы наложили заплаты на все эти зияющие дыры.

Пять или шесть ууков, в ладонь толщиной, еще носили следы искусной резьбы. Все остальные были самодельные: одни толстые, другие — как прутики, а несколько штук — ровные, без обязательного изгиба, копиями вонзались в купол.

На деревянной кровати с причудливо изогнутой спинкой валялось одеяло, сшитое из лоскутьев, а поверх него — какое-то жалкое тряпье.

Есенгельды величественным жестом указал нам занять почетные места. В центре корчились плохо выделанные шкуры — одна козлиная, две телячьи и еще — конская, но небольшая, снятая, должно быть, со стригунка.

— Отдыхайте, — сказал наш провожатый и вышел.

А мы трое, не в силах больше сдерживаться, с выпученными глазами катались по полу, зажимая ладонями рты, и уже слезы у нас катились от хохота, и мускулы животов болели, а мы все не могли остановиться.

Когда прошел этот неудержимый приступ, мои ребята отправились распрячь присмирившего мерина. А я от нечего делать снова принялся рассматривать юрту.

Первое впечатление не было обманчивым: былой уверенный достаток уступил место самой убогой нищете. Справа у входа на низкой деревянной подставке покоился старинный сундук, окованный железом. Рядом с ним —

кебеже, большой ящик для хранения посуды и всякой утвари. Кебеже был тоже старинный, местами сохранились следы костяной инкрустации.

Я не удержался, заглянул внутрь. Ящик был пуст.

На решетчатой стене висело седло. Его передняя лука, покрытая темным лаком, в серебряных разводах, напоминала утиную голову. Такое седло когда-то стоило очень дорого. А сейчас... Если бы кому-нибудь, не дай бог, взбрело в голову затянуть подпругу или сунуть ноги в массивные стремяна, то полуистлевшие ремни расплзлись бы от малейшего прикосновения.

Вернулись студенты. Они принесли наши вещи. Жесткие шкуры пришлось застелить черным одеялом, которое мы захватили с собой из техникумовского общежития.

— Хорошо... Мы так и будем одни? А где же хозяева этого дома? — спросил один из них.

Другой ответил:

— А вот... Видишь?

Лохматый пестрый пес нахально просунул морду в одну из дыр и, нимало не смущаясь нашим присутствием, собрался уже протиснуться сюда.

— Пошел! — прогнал я его.

Мы условились с ребятами: поменьше разговаривать и стараться не высказывать своего отношения к тому, что происходит на наших глазах. Только так удастся лучше разузнать, что же из себя представляет аул Жанбырши.

Снаружи донесся голос Есенгельды. Он кричал кому-то:

— Карашаш! Эй, Карашаш!.. В большой юрте у нас сегодня гости. Слышишь? Атеке велел, чтобы ты их обслуживала!

— Какие еще гости? Откуда они взялись? — послышался ему в ответ густой женский голос.

Мы с опаской переглянулись. Что-то еще нам предстоит перенести? Но ничего другого не оставалось — только ждать.

Возле юрты слышались шаги, заскрипела дверь. Но это опять был Есенгельды.

— В ауле, куда привела вас наша дорога, — наставительно сказал он, — не принято, чтобы гости распрягали своих лошадей. Это — забота хозяев.

— Спасибо. Не беспокойтесь, — почти подобострастно ответил я, стараясь приладиться к их нравам. — Мы — лю-

ди молодые, как видите, мы и сами посмотрим за нашим меринном.

Есенгельды тоном, не терпящим возражений, повторил:

— В этом ауле, который зовется Жанбырши, не принято, чтобы гости сами распрягали своих лошадей и ухаживали за ними.

Он удалился, и мы бы, конечно, снова залились смехом, но нас удержало появление пожилой женщины. Она переступила порог тотчас вслед за тем, как юрту покинул Есенгельды.

Карашаш приветливо поздоровалась с нами — с приезжими молодыми людьми, каждый из которых годился ей в сыновья.

— Слава аллаху, я не жалуясь на жизнь, — сказала она и тут же добавила: — Должно быть, привыкла... А потом — жалуйся не жалуйся, все равно ничего для меня не изменится. Но вы-то какими судьбами попали на это кладбище?

Как видно, Карашаш, в отличие от нас, не собиралась скрывать своего отношения к жителям аула Жанбырши, к укладу их жизни. И я понял: вот женщина, единственная, у кого можно подробнее разузнать все, ради чего и предпринималась эта неблизкая поездка.

Ей даже намекать не пришлось, что нас интересуется. Карашаш долго копила раздражение, и ей надо было выговориться.

— Не знаю, вы слышали или нет?.. — начала она. — В Жанбырши с древних пор живут торе... Это их земля. Но сами они рукой не пошевелят, чтобы хоть царапнуть ее плугом. Считают, что и счастье, и достаток, и удача — все им от бога, свыше дано! Прежде тут с ними жили толенгиты. Тридцать семейств толенгитов. Они-то все и делали. А потом, вскоре после того как переменялась власть, они все ушли. Стали жить отдельно. Колхоз у них... Вчера я ходила пригнать коров и видела: поля у них вспаханы, сеять начали. Разве плохо им? А наши!.. — Она безнадежно махнула рукой. — Из десяти мужчин ни одного нет, кто бы стал седлать своего собственного коня! Я уж не говорю — привезти дров, сена на зиму накопить... Руки не поднимут паршивую овцу зарезать. Даже если брюхо от голода совсем подведет! Все я делаю. Я дочь толенгита. Вот осталась с ними, с этими живыми мертвецами.

Рассказывая это, Карашаш несколько раз выходила — она ставила самовар — и снова возвращалась. Я и рань-

ше слышал о жанбыршинских торе, но не мог себе представить, что тут у них происходит теперь.

В окрестностях многие урочища принадлежали им. Но на этих землях и колышка не было вбито их руками. Знатным людям не приличествовало трудиться. Все заботы брали на себя толенгиты. Они пасли скот и косили для него сено, они сеяли пшеницу и овес. И коней седлали они, когда кто-то из хозяев собирался поехать на охоту, в гости или по делу. От былого благополучия и величия осталась драная кошма. Но потомственная спесь — в крови у них...

Карашаш внесла огнедышащий самовар.

— Вскипел вот...— сказала она и, стараясь не встречаться с нами взглядом, предупредила:— Только угощать вас придется забеленным кипятком. Молока-то я найду, а вот чаю — поверьте, во всем ауле заварки нет.

Заварка была у нас. Узнав об этом, Карашаш повеселела и отправилась разыскивать чайник.

Чайник оказался под стать рваной кошме, ветхому седлу: по фарфору расползались черные трещины, его стягивали жестяные полоски, и жестяная трубочка была приделана вверху отбитого носика. Десяток пиал разного цвета и разной величины. Ясно, собирали по юртам.

Карашаш расстелила залатанную скатерть, а мы — поверх — кинули свое полотенце. Хорошо еще, что догадались захватить с собой хлеб, масло и сахар.

И вот, как только мы собрались не то пообедать, не то поужинать, дверь отодвинулась, и в юрту вошли мужчины. Входили они гуськом, соблюдая старшинство. Первым — Атеке. Он остановился возле меня с гордо поднятой головой, и по выражению его лица я понял, что опять занимаю не свое место.

Я тотчас приподнялся, чтобы пересесть, но старик движением своей сизой бороденки остановил меня:

— Так далеко не надо... Место рядом со мной принадлежит старшему из гостей.

Я остался. Зато мои ребята после всех перемещений очутились довольно далеко от меня. И — что важнее — далеко от хлеба и масла.

Отсутствие зубов не мешало Атеке: масло вообще не надо жевать, а кусочки хлеба он отламывал и быстро отправлял в рот, делая всем телом глотательные движения. Все остальные аксакалы не уступали ему в проворстве, стараясь опередить один другого.

Мы трое выпили по пиале чаю, и на скатерти не осталось ни куска. А когда все исчезло, словно корова языком слизнула, Атеке нарушил молчание:

— Я должен сказать, что масло было свежее... Есть можно.

И опять — слово в слово — посыпались те же подтверждения, как будто ни у кого из них не было ни единой своей мысли, а все ждали, что изречет их аксакал.

— Атеке сказал правильно, — подхватил безусый, который устроился рядом со мной, только с другой стороны. — Масло было свежее. Есть можно.

Я подумал: я сам и мои студентики — единственные, кому не пришлось в этом убедиться. Я подумал еще: а что же будет дальше, но как-то не сообразил, что кусочки колотого сахара сиротливо разбрелись по скатерти.

— Грех на душе у того, кто, насыщаясь, забывает про детей и внуков, плоть от плоти своей, — сказал Атеке. — Побалую-ка я свою крошку... — Узловатыми черными пальцами он прихватил со скатерти три-четыре куска и сунул в карман.

— Атеке прав, как всегда, — согласился с ним безусый и тоже потянулся за сахаром. — Грех тому, кто, насыщаясь, забывает про детей и внуков, плоть от плоти своей.

Их примеру последовали и все остальные — и Есенгельды, и Караш, и тот, у которого глаза заскочили на самые виски.

Скатерть опустела. Держа пиалы на самых кончиках пяти пальцев, торе стали шумно потягивать пустой чай. Одна только Карашаш, устроившаяся у самовара, испытывала неловкость от того, что гости остались голодными.

Несколько раз я порывался выйти к своему коню, но меня останавливал знаток и хранитель обычаев — Есенгельды, он повторял, что забота о лошадях гостей в их ауле всегда лежит на хозяевах. И я вынужден был опять садиться, хотя мой вороной по-прежнему стоял на привязи, голодный, как мы. А Атеке, которому надлежало меня расспросить, с чем я приехал в аул, тоже молчал, прислушиваясь к бурчанию в животѣ.

Карашаш зажгла лампу. Стекла не было, и фитиль тускло чадил. Ветерок, доносившийся в юрту сквозь бесчисленные дыры, время от времени пригибал пламя, и тогда становилось совсем темно. Огонек выпрямлялся

снова и бросал беспокойные блики на лица хозяев. Они казались мне неживыми.

Да, их вполне можно было принять за мертвецов, тем более что ни один не произносил ни звука, и в юрте стояла могильная тишина. Мне стало не по себе, как в страшной сказке.

Но тут Атеке поднял голову и откашлялся.

— Время идет,— сказал он.— Для гостей, которых мы сегодня принимаем в большой юрте, надо бы заколоть барана.

— Как всегда, прав мудрый Атеке, и, как всегда, он самый верный хранитель законов гостеприимства, доставшихся нам в наследство от славных предков,— поддержал его безусый.— Для гостей, которых мы сегодня принимаем в большой юрте, надо бы заколоть барана.

Эту же мысль повторил и тот, с глазами на висках, чье слово звучало как призыв к действию.

Я попытался возразить — зачем лишние расходы... Но никто не посчитал нужным обратить внимание на мой робкий протест. И я замолчал, соображая, что поесть мяса — совсем не плохо. Утром, собираясь в дорогу, мы завтракали наспех.

Но до ужина было далеко, как до Борового. Все мужчины снова замерли, исполненные чувства собственного достоинства. Они были просто набиты этим самым достоинством.

Но если нам — гостям — ничего не оставалось, кроме как терпеть, то Карашаш прямо-таки кипела, и наконец ее прорвало.

— Если уж решили колоть, то почему они медлят?— сказала она, ни к кому не обращаясь впрямую.— Сказать сказали, а сами сидят, будто задами приросли к земле. О аллах! Аллах все милостивый! Ты видишь?.. Избавишь ли ты когда-нибудь их от проклятых привычек?! Ведь живые же люди все-таки, а не мертвецы!

Она вскочила и вышла из юрты. Следом за Карашаш выскочил и пестрый пес, который отирался тут же в юрте, без всякой надежды чем-нибудь поживиться.

Но несдержанность женщины не могла поколебать достойного спокойствия мужчин. Атеке выждал еще какое-то время, прежде чем вымолвил свое решение.

— Я вижу смысл в словах Карашаш, хоть она и сказала их сгоряча. Время идет... Если уж надумали колоть, то надо колоть.

Как эхо в горах, откликнулись двое из наиболее почитаемых аксакалов. Но никто и не подумал сдвинуться с места, чтобы совершить намеченное.

Карашаш знала, что делать: она принесла и бросила возле очага охапку дров, во второй раз появился закопченный казан, в третий — треножник. А между делом она продолжала тормозить своих хозяев.

— Ну, скоро ли?.. Чью овцу будете колоть? Надо же еще пригнать ее,— говорила она, а стоило ей выйти наружу, как оттуда доносились ее причитания и брань.

Но решить — чью, было не так-то просто.

— Есенгельды! — повелительно сказал Атеке. — Что же ты молчишь? У вашей бабушки есть овца, серая... По-моему, эту серую овцу и надо пустить в казан.

Дважды повторяются — справа и слева — его слова, и Есенгельды молча поднимается со своего места и выходит. В юрте снова тишина — тишина ожидания. С улицы доносится жалобное ржание моего бедного вороного, который, видимо, уже совсем отчаялся получить хоть бы клок сена, не говоря уже о торбе овса.

Вернулся Есенгельды. Он опустил на колени и только тогда обратился к Атеке.

— Айша-келин¹ говорит: серая овца вот-вот должна принести ягненка... И грех совершит всякий, кто поднимет нож на такую овцу, в такое время.

— Айша-келин знает,— подтвердил Атеке.— Это действительно грех. Не сегодня, так завтра серая овца должна окотиться.

Приятная возможность полакомиться свежим мясом все же оживила хранителей древних устоев. Очевидно, поэтому Атеке значительно сократил время мудрых размышлений.

— Сделаем так: приведи черного ягненка из дома Қанши-женгей². Ягненок этот — из самых ранних, его вполне можно пускать под нож.

Нетерпение, наверное, овладело и Есенгельды. Он поднялся, не дожидаясь, пока безусый и глазастый подтвердит мудрость Атеке, и их слова раздалась, когда он переступил порог юрты. И вернулся значительно быстрее, чем в первый свой уход.

Но и сейчас поход оказался безуспешным. Есенгельды мрачно сказал:

¹ Келин — невестка; молодая замужняя женщина.

² Женгей — тетка.

— Айжан-келин меня встретила... Она говорит — в пятницу исполняется ровно год со дня смерти Канши-женгей. Айжан бережет барашка, чтобы было чем помануть достойную женщину.

— Да, да,— сокрушенно сказал Атеке. — Айжан права...

Он снова задумался, но голодный желудок, только раздраженный нашим хлебом и нашим маслом, заставил его мысль работать отчетливее и быстрее. Атеке тут же сообразил, кого можно принести в жертву гостеприимству.

— Хватит пустых разговоров! — решительно сказал он. — От разговоров наш казан не наполнится! Есенгельды, приведи нам серого козла, который принадлежит Ка-реке.

Время перевалило за полночь, когда снаружи дурным голосом закричал упиравшийся козел. Но Есенгельды был полон решимости, и, кажется, наш ужин из мечты становился действительностью.

Козел этот, которого я не мог видеть, густым тяжелым запахом дал знать о своем приближении. Значит — невыголощенный... Производитель. Простой смертный мог бы задохнуться, что со мной чуть и не случилось. Другое дело — потомки ханов. Ноздри их, надо полагать, были устроены как-то по-другому. На запах они не обращали никакого внимания, утешаясь, должно быть, тем, что в котле запах исчезнет. Глаза у них горели, они шумно проглатывали слюну. Дай сейчас каждому из них по козлу, и они справятся с ним живьем, и костей не останется.

Возникла еще одна помеха. Ни у кого не оказалось достаточно острого, надежного ножа. Атеке хорошо помнил, в каком доме есть такой нож, но посланный Есенгельды вернулся ни с чем.

Один из моих товарищей по несчастью, выведенный из себя долгим нудным сидением, голодом, зловонием, исходящим от козла, быстро вскочил с места, выхватил нож и ткнул им в сторону Есенгельды.

— Вот, возьмите,— вежливо сказал он, хотя по его глазам я видел, с каким бы наслаждением он послал всех торе к шайтану, а сам поскорей бы исчез из аула Жанбырши.

Только под утро серый козел вновь явился к нам, но

уже в сваренном виде, в корыте. И тут же следом вошли женщины — их было не меньше десяти.

Каждая из них вела с собой девочку. Да, почти все дети у них были девочки. Я заметил только двух мальчишек. Разбуженные среди ночи, дети зевали, терли глаза. Вид у них был хилый. Тот же древний закон, которого так строго придерживались в Жанбырши, повелевал хранить чистоту знатного рода, и потому браки здесь заключались всегда между близкими родственниками. На детей жалко было смотреть.

Женщины с вожделием принюхивались к запаху мяса. Но ведь козел, как известно, своими размерами значительно уступает быку... Вряд ли одним козлом накормишь такую ораву.

По праву старшего Атеке взял голову, отрезал одно ухо и передал его мне, а голову положил перед собой. Безусый бородач отрезал с тазовой кости небольшой кусочек мяса — для меня, а всю кость оставил тоже себе. Остальные — тоже хватали куски, подходящие им по положению. Остатки мяса крошились над корытом, но как-то не успевали туда попасть. Они на лету кем-то подхватывались и тут же безвозвратно исчезали.

Угощение проходило с такой быстротой, что времени оно заняло немного. Наши хозяева запили козлиное мясо сурпой¹, передали детям обглоданные кости и, пожелав нам спокойной ночи, разошлись по домам.

Юрта опустела.

Мы еще немного побеседовали с Карашаш. Добрая женщина сокрушалась, что мы ляжем спать голодными. Но мы вовсе не собирались ложиться спать. Не дожидаясь, когда сам Атеке сочтет возможным поговорить с нами о деле, и нарушая обычай, по которому гости в Жанбырши не могут сами заниматься своими лошадьми, мы пошли запрягать вороного мерина.

Мы не просто уехали. Мы бежали. Бежали на простор степи из этого аула, превратившегося в живое кладбище, бежали от высокомерия и тупости этих людей.

— А сколько же времени нужно, чтобы в этом ауле произнесли хоть одно дельное слово?! — воскликнул один из моих парней.

— Это еще что! — добавил второй. — А сколько времени пройдет, пока слово, сказанное с такой важностью, превратится в дело?..

¹ Сурпа — бульон.

Я молча слушал их. Я возмущался несправедливостью истории. Сколько же веков, сколько бесплодных веков потеряли мы, казахи, пока такие торе правили нами?

...Сообщение, которое я на следующий день сделал секретарю райкома, было предельно кратким.

Я сказал:

— Аул Жанбырши владеет землей, на которой свободно разместятся четыре колхоза. Но в самом ауле Жанбырши есть только один человек, который может пригодиться в колхозе. Это женщина по имени Карашаш, дочь толенгита.

— Вот как? А куда же мы денем остальных?

Я был молод тогда и скор на решения. Я ответил:

— Там есть только один, один человек, который может пригодиться в колхозе...

Секретарь райкома задумался.